

Ольга Плотникова

*Трое и одна
галактика*

18+

Ольга Плотникова

Трое и одна галактика

«Автор»

2026

Плотникова О.

Трое и одна галактика / О. Плотникова — «Автор», 2026

Они — три друга, три холостяка, три беды галактики. Они думали, что знают о любви всё. А оказалось — ничего. Всё меняется, когда на Венере (планете феромонных дождей и запрета на чихание) они встречаются троих женщин, которые не вписываются ни в какие рамки. Ксеноморф-хищница с четырьмя руками. Угасший гений-композитор, помнящая три жизни. Безумная охотница, читающая мысли по вкусу поцелуя. Теперь друзьям предстоит узнать, что: проигрывать бывает приятнее, чем побеждать; настоящая музыка — это не ноты, а правда; и даже «несколько четвертинок» когда-нибудь складываются в одно целое. «Трое и одна галактика» — это романтическая комедия о дружбе, которая не боится расстояний, инопланетян, феромонных коктейлей и даже самого страшного врага человечества: собственного эго. Смешно, честно и немного сладко. «Если вы думаете, что эта книга просто про любовь — вы ошибаетесь. Она про троих идиотов, которые искали женщину, а нашли себя. А галактика — так, фон».

© Плотникова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. О чём молчат рейтинги	5
Глава 1. Там, где чихать нельзя	7
Глава 2. Там, где поцелуй — это капитуляция	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Трое и одна галактика

Пролог. О чём молчат рейтинги

Земля. Штаб-квартира Совета. Кабинет советника по обороне.

Матео Сильва-Арети сидел в кресле, которое умело подстраивалось под его спину, но не могло подстроиться под его настроение. Перед ним на голографическом экране горел отчёт о готовности пятого флота. Всё было хорошо. Именно это бесило.

— Ты пятый час смотришь на одни и те же цифры, — сказал ИИ Логос голосом, лишённым интонаций. — Уровень кортизола повышен на 40%. Рекомендую перерыв.

— Не рекомендую, — буркнул Матео, не поднимая глаз.

— Зафиксировано. Ты проигнорировал рекомендацию. Это поведение типично для мужчин в возрасте 35 лет с нерешёнными вопросами самоидентификации.

Матео медленно поднял голову. Его изумрудные глаза с золотыми искрами смотрели прямо в сенсор камеры.

— Логос. Заткнись.

— «Заткнись» не входит в мой словарь команд. Возможно, ты имел в виду...

— Я имел в виду именно то, что сказал.

В этот момент дверь открылась без стука. Потому что тот, кто вошёл, никогда не стучал.

— О, великий воин, ты всё ещё в броне? — Элиан Вентор-Люмис возник на пороге как видение из старой голливудской мелодрамы. Белые волосы распущены, жемчужный отлив на свету, глаза голубые с той самой лёгкой дымкой, которая заставляла женщин забывать собственные имена. Он был одет в длинный кардиган из био-шёлка, под которым ничего не было, и это на Земле 2217 года считалось вполне приличным.

— Я не в броне, — ответил Матео. — Это костюм.

— Костюм, в котором можно штурмовать крепость. Ты даже на собственной кухне выглядишь как на параде.

— У меня нет кухни. Я ем в столовой Совета.

— Вот это и печально, — Элиан грациозно опустился в соседнее кресло. — У мужчины твоего уровня должна быть кухня. И женщина, которая готовит на ней завтрак. А потом сидит на этой столешнице в твоей рубашке.

— Ты описываешь романтическую фантазию для своих песен.

— Я описываю жизнь, которую ты себе запрещаешь.

Дверь снова открылась. На этот раз с грохотом, потому что Киран О'Брайен-Тарк не умел открывать двери тихо. Это было бы не в его стиле.

— Мужики! — рявкнул он, вваливаясь в кабинет с таким видом, будто только что выиграл чемпионат. — Я достал три билета на «Антигравити-финал». Ложи, шампанское, девчонки в блёстках. Кто со мной?

— У меня доклад, — сказал Матео.

— У меня концерт, — сказал Элиан.

— У вас обоих клинический склероз, — парировал Киран, плюхаясь на диван. — Доклад можно сдать дрону. Концерт можно перенести. А финал — раз в году. И потом, я уже позвал... одну.

Элиан приподнял бровь:

— Одну?

— Ну, может, двух.

— Одновременно?

— Я ещё не решил.

Матео вздохнул. Этот вздох весил примерно, как рапорт о потерях.

— Киран, твоя философия «нескольких четвертинок» ...

— Моя философия работает, — перебил его спортсмен, сверкнув серо-голубыми глазами. — Я счастлив. Девушки счастливы. Все довольны.

— Девушки счастливы, пока не влюбляются в тебя, — тихо заметил Элиан.

— А это их проблема, а не моя. Я честен с самого начала.

Матео посмотрел на друзей. Один — гений, который боится остаться без музыки. Второй — силач, который боится остаться с одной женщиной. А сам он? Он боялся того, что кипит у него внутри. Того «тихого огня», который однажды мог сжечь всё, что он построил.

— Знаешь, — сказал он, вставая, — а поехали.

— Что?! — одновременно выдохнули Элиан и Киран.

— На финал. Но без твоих «одних-двух». Мы едем как мужчины.

Киран расплылся в улыбке, от которой его веснушки стали ярче:

— Матео Сильва-Арети согласился на тусовку. Запишите дату. Через сто лет будут изучать.

— Через сто лет, — поправил Элиан, — будут изучать, как ты проиграл в споре о том, кто первый подойдёт к девушке у бара.

— Я не проигрываю в спорах.

— Ты проиграл мне в карты в прошлый раз.

— Ты мухлевал.

— Я музицировал.

Матео уже не слушал. Он смотрел в окно, где живые кристаллы небоскрёбов меняли прозрачность, подстраиваясь под закат. Где-то там, в космосе, ждали планеты с феромонными дождями и женщинами, которые могли убить одним поцелуем.

Он ещё не знал, что через три дня встретит Валькарию Ар-Тарант.

И что его мир, выстроенный по уставу, рассыплется как песок.

Но это будет потом.

А пока — он просто вышел из кабинета, чувствуя, как в груди просыпается тот самый огонь, который он так долго держал в клетке.

Глава 1. Там, где чихать нельзя

Венера. Планета-курорт. Город Термалион.

Они прилетели за сутки до финала, потому что Киран настоял на «акклиматизации».

— К акклиматизации на Венере нужен особый подход, — объяснял он, когда их капсула мягко коснулась посадочной платформы, похожей на гигантский лепесток лотоса. — Здесь воздух состоит из феромонов. Если ты не готов — влюбишься в первого встречного.

— Это миф, — сказал Матео, выходя на платформу.

— Это статистика, — возразил Элиан, вдыхая полной грудью. Его волосы сразу стали более пушистыми, глаза чуть ярче. — Привет, девочки, — сказал он кому-то в пустоту. — Я вас пока не вижу, но уже люблю.

Киран заржал. Матео закатил глаза.

Отель «Лепесток» находился в пяти минутах ходьбы по воздушному мосту из переработанного света. Номера — круглые, без углов, с полом, который дышал. В центре каждого номера — бассейн с термальной водой, прямо в комнате.

— Класс, — Киран сразу скинул куртку. — Я первый в душ.

— Это не душ, это декоративный водоём, — поправил Элиан.

— А я и говорю — класс.

Матео молча прошёл в свою комнату. Закрыл дверь. Сел на кровать, которая тут же подстроилась под его позвоночник.

Он включил экран. Отчёты. Графики. Сводки. Всё, к чему он привык.

Но глаза скользили по цифрам, не цепляясь.

Он встал. Подошёл к окну-лепестку. Внизу простирался город: купола-цветки, террасы с бассейнами, среди которых ходили венерианцы с их полупрозрачной кожей, светящейся в такт сердцебиению. Они двигались медленно, будто танцевали под водой. Говорили шёпотом.

Матео почувствовал себя чужим. Слишком прямым. Слишком угловатым. Слишком... военным.

Он снял пиджак. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Посмотрел на себя в зеркало.

— Нужно выпить, — сказал он сам себе.

И вышел.

Бар находился на верхней террасе, под открытым куполом. Тёплый дождь шёл каждые три часа — сейчас как раз был его час. Капли падали на кожу, пахли иланг-илангом и чем-то ещё, от чего расслаблялись мышцы.

— Виски, — сказал Матео бармену-венерианцу с кожей цвета утренней зари.

— У нас нет виски, — ответил тот голосом, похожим на журчание ручья. — Есть «Слёзы рассвета». Коктейль из феромонов страсти и трёх видов минеральной воды.

— Дайте «Слёзы рассвета».

Он взял бокал. Напиток оказался густым, тёплым, с привкусом мёда и соли. Он пил медленно, глядя, как дождь превращает город в акварель.

И тут она вошла.

Он не слышал шагов — венерианцы ходят бесшумно. Но он почувствовал. Что-то в воздухе изменилось. Даже дождь, казалось, замер на секунду.

Она была не венерианкой. Слишком плотная для этих эфемерных созданий. Слишком... твёрдая. Кожа — песочно-серая, с едва заметным рисунком. Голова без волос — вместо этого короткие хитиновые гребни киноварно-красного цвета. Глаза — вертикальные зрачки, радужка ярко-медная.

Она была выше него на сантиметр.

— Ты занял моё место, — сказала она.

Голос — низкий, с хрипотцой. Как у человека, который не разговаривает, а приказывает.

Матео медленно поставил бокал.

— Здесь нет имён. Только свободные места.

— Остроумно. — Она не улыбнулась. — Для человека.

— Я не просто человек.

— Я вижу. — Она наклонила голову. — Ты военный. Советник, наверное.

— Угадала.

— А, — она изогнула бровь, — политическая шестёрка.

Матео почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Тот самый огонь, который он держал в узде.

— А ты кто? Охранница курорта?

— Инструктор по тактической подготовке спецназа. Рангом выше, чем ты.

Она села за соседний столик — не дожидаясь приглашения. Просто села, как будто весь бар принадлежал ей.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Валькария. А тебе какое дело?

— Я хочу знать имя женщины, которая разговаривает со мной как с рядовым.

— Я разговариваю с тобой как с равным, — поправила она. — Разницу чувствуешь?

— Не уверен.

— Это твоя проблема, советник.

Матео смотрел на её профиль. Острый подбородок. Скулы, которые могли резать стекло. И под мышцами — никакой мягкости. Сплошная сила.

— Откуда ты? — спросил он.

— Лакримоза.

— Мир-тюрьма.

— Мир-выживание, — поправила она. — Твоя Федерация называет это тюрьмой. Мы называем это домом.

Валькария взяла свой бокал, поднесла к губам, и в этот момент Матео заметил: под её грудью, сложенные в замок, висят две маленькие руки. Тонкие, с длинными пальцами. Они шевелились медленно, независимо от её обычных рук.

Он отвел взгляд. Слишком быстро. Она заметила.

— Трогать нельзя, — сказала она жёстко.

— Я и не собирался.

— Ты уже подумал.

Матео допил коктейль.

— Зачем ты здесь? — спросил он.

— Отдыхаю. — Она поставила бокал. — Даже монстрам нужен отпуск.

— Ты не монстр.

— Ты меня не знаешь, советник.

— Матео.

Она замерла на секунду. Медный взгляд вертикальных зрачков упёрся в него, прожигая насквозь.

— Матео, — повторила она, и в её голосе впервые появилось нечто похожее на интерес.

— Хорошее имя.

— Ты тактик?

— Я хищник, — поправила она. — Тактика — лишь способ не умереть голодным.

Они сидели молча минут пять. Дождь кончился. Небо над Венерой стало розовым. Валькария встала.

— Было весело, Матео. Не умирай сегодня во сне.

— С чего бы мне умирать?

— Ты спишь с оружием?

— Нет.

— Зря.

Она ушла так же бесшумно, как пришла. И только тогда Матео заметил, что всё это время сжимал край стола так сильно, что живой биополимер пошёл трещинами.

Он разжал пальцы.

Что это было?

Он не знал.

Но знал точно: он хочет увидеть её снова.

Глава 2. Там, где поцелуй — это капитуляция

На следующий день. Антигравити-финал. Стадион «Левитирующий титан».

Киран был в своей стихии.

Трибуны гудели. В воздухе пахло озоном, адреналином и дешёвыми феромонами из распылителей.

— Это лучшее, что придумало человечество! — орал Киран, размахивая программкой.
— Даже секс!

— Спорный тезис, — заметил Элиан, поправляя воротник. — Но я согласен.

Матео молчал. Он искал глазами песочную кожу и киноварные гребни.

Не нашёл.

— Ты кого-то потерял? — спросил Элиан.

— Никого.

— Ты врёшь. У тебя уши краснеют.

Киран повернулся к Матео:

— У нас проблема? Потому что, если проблема — я её решу.

— Проблемы нет.

— Отлично. Тогда не смотри на вход. Смотри на трассу.

Гонка была красивой. Киран комментировал каждый обгон. Элиан подпевал гимну.

А Матео смотрел на пустое место в ложе напротив.

Когда гонка закончилась, он сказал:

— Я пойду один.

— Что?! — хором спросили друзья.

— Я. Пойду. Один.

Киран и Элиан переглянулись.

— Он нашёл ту, — сказал Элиан.

— Или она нашла его, — поправил Киран. — Идём.

Матео вышел со стадиона, вдохнул венерианский воздух и пошёл в бар.

Она была там.

Сидела за тем же столиком. Держала в руках «Кровь Лакримозы».

— Ты искал меня, — сказала Валькария, не оборачиваясь.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую запах. У военных, когда они хотят кого-то, меняется кислотность пота.

Ты хочешь меня, Матео.

Он сел напротив. Посмотрел прямо в её медные глаза.

— Я ничего не делаю с тем, чего не понимаю.

— А что тут понимать? — Она отставила бокал. — Я — хищник. Ты — добыча, которая умеет стрелять. Это делает ситуацию интересной.

— Я не добыча.

— Докажи.

Она встала. Он встал.

— У тебя есть номер, — сказала она. — Я узнала. Ты советник по обороне. Ты никогда не проигрывал в бою. Но ты никогда не был с женщиной, которая сильнее тебя.

— Откуда такая уверенность?

— Я проверяла твои медицинские записи. Твой пульс при женщинах поднимается до 90 ударов. Сейчас — 112. Ты боишься. Это хорошо.

Матео почувствовал, как в груди закипает огонь.

— Валькария, — сказал он тихо, — что ты предлагаешь?

— Я предлагаю перестать врать себе. — Она подошла ближе. — Ты не хочешь меня трахнуть. Ты хочешь увидеть, сможешь ли ты быть уязвимым рядом с тем, кто тебя не сломает.

— А ты не ломаешь?

— Я не знаю, — честно ответила она. — И это меня пугает больше, чем любой враг.

— Тогда, — Матео сделал шаг к ней, — давай узнаем.

Они шли молча. По воздушным мостам, сквозь террасы с бассейнами, мимо венерианцев, которые провожали их задумчивыми взглядами. Двое хищников, идущих на свидание, которое больше походило на объявление войны.

Номер Матео. Кровать, которая дышит. Бассейн. Стены — непрозрачные, потому что вечер.

Валькария сняла куртку. Под ней не было ничего, кроме кожи и... дополнительных рук. Они высвободились, потянулись, и замерли.

— Не трогай их, — предупредила она. — Сначала заслужи.

— Как?

Она посмотрела на него. В её взгляде — вызов.

— Сними с меня броню. Не руками. Взглядом.

Матео усмехнулся. Но сделал, как она просила. Он смотрел на неё так, будто видел впервые. Вдоль линии челюсти, по шее, по ключицам, где кожа светлела, переходя в едва заметный чешуйчатый узор. Он не торопился. Он изучал.

Валькария стояла неподвижно. Но он видел, как дрожат её дополнительные руки — тонкие пальцы сжимались и разжимались, выдавая напряжение.

— Ты боишься, — сказал он.

— Нет.

— Твои руки дрожат.

— Это не страх. Это... — она запнулась, чего с ней никогда не было, — никто никогда не смотрел на меня так.

— Как?

— Как на женщину. А не как на оружие.

Матео подошёл. Очень медленно. Он не прикасался к ней, но между ними уже не было воздуха.

— Валькария, — прошептал он, — можно я тебя поцелую?

Она удивлённо моргнула. Её вертикальные зрачки расширились.

— Ты спрашиваешь разрешения?

— Я всегда спрашиваю.

— Даже перед боем?

— Перед боем не спрашивают. А это не бой.

Она молчала несколько секунд. Потом коротко кивнула.

Он поцеловал её.

Не так, как ожидала Валькария. Не жёстко, не требовательно, не с напором хищника. А мягко. Медленно. Так, будто у них была целая вечность.

Её дополнительные руки взметнулись, обхватили его за плечи — легче, чем обычные, почти невесомо. И она... выдохнула. Впервые за много лет она выдохнула, а не зарычала.

Матео отстранился. Посмотрел ей в глаза.

— Ты плачешь? — спросил он.

— Нет. — Она провела ладонью по щеке. — Это... феромоны. Воздух. Неважно.

— Важно, — сказал он. — Мне важно.

Она оттолкнула его. Не сильно. Так, чтобы обозначить границу.

— Не жалею меня.

— Я не жалею. Я просто вижу.

— Что ты видишь?

— Женщину, которая слишком долго была одна. Даже когда была не одна.

Валькария отвернулась. Подошла к окну. За ним город сиял тысячами огней — купола-цветки горели изнутри тёплым, живым светом.

— На Лакримозе нет таких закатов, — сказала она тихо. — Там небо всегда серое. И если ты показываешь слабость — тебя убивают.

— Здесь не Лакримоза.

— Я знаю. — Она повернулась к нему. — Я не умею по-другому, Матео. Я не умею быть мягкой. Я не умею доверять. Я не умею... оставаться.

— А я не умею уходить, — ответил он. — Так что, возможно, мы справимся.

Она подошла к нему сама. Без приказа. Без вызова. Просто подошла и положила голову ему на плечо. Её дополнительные руки обвили его торс, а обычные повисли вдоль тела — беззащитные.

Он обнял её. Молча. Крепко.

— Ты пахнешь страхом, — сказала она в его грудь.

— Это не страх. Это волнение.

— Одно и то же.

— Нет. Страх — это когда ты хочешь убежать. А волнение — когда ты хочешь остаться, но боишься, что не справишься.

— И что ты выберешь?

Вместо ответа он поцеловал её в макушку. Потом в висок. Потом в уголок губ.

Она приняла эти поцелуи. Не отстранилась. Не зарычала. Просто... приняла.

Когда он снова поцеловал её в губы — уже глубже, уже смелее, — она ответила. Её язык встретил его, и это не было битвой. Это было... согласием. «Я здесь. Я с тобой. Я позволю себе это».

Матео провёл рукой по её спине. Позвоночник — твёрдый, каждый позвонок чувствуется под кожей. Она вздрогнула.

— Холодно? — спросил он.

— Нет. Приятно.

Он повторил движение. Медленнее. Она выгнулась, прижимаясь ближе.

— Можно я сниму с тебя остальное? — спросил он.

— Да.

Он снял с неё пояс. Брюки упали на пол. Она осталась в одном тонком слое — какой-то мембране, которая держалась на плечах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.